

УДК 930.1.

РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА: ДЕКОММУНИЗАЦИЯ И ДЕЭТАТИЗАЦИЯ

Чемшит А. А.

В статье исследуются глубинные факторы распада Советского Союза. Автор признает точку зрения, согласно которой коммунизм в роли государственной идеологии СССР был обречен на исторически ограниченный отрезок времени. Вместе с тем деэтизация страны, крах государственности не были фатальной неизбежностью. Таким образом, центральной идеей статьи является разведение двух субстанций: идеологии как мировоззрения и государства как территориальной общности. Советский Союз явился своеобразной реинкарнацией Российской империи. Однако в основание советской империи изначально был заложен механизм саморазрушения. Речь идет о коммунистической партии в качестве организующей силы, путеводителя общества, эпохальной чести и совести, которая, в свою очередь, является материализацией марксизма-ленинизма. Коммунистическая партия, являясь живым воплощением коммунистической идеологии, фактически встала над советским государством и воспринималась приоритетной организацией. Коммунистическая идеология провозгласила наивысшие ценности и тем самым завоевала доверие советских людей. Но в реальности коммунизм выступает не более чем мобилизационный миф. Коммунизм (теория) слишком хорош, чтобы стать действительностью, коммунизм же в большевистском исполнении (практика) слишком ужасен, чтобы не вызвать мысль о том, что он не осуществим в принципе (утопия). Коммунистический проект востребовал от простого человека и общества в целом больше того, на что они способны по своей человеческой природе и социальной организации. Думается, это стало ясно для руководства страны еще в годы революции и «военного коммунизма», возможно несколько позже. Но публично отказаться от идеи коммунистического строительства уже было невозможно. Нельзя было объявить ошибкой октябрьскую революцию и отречься от героики гражданской войны. Народ не понял бы, во имя чего он понес такие жертвы и лишения. Двигаться можно было только вперед. Но, если цель утопична, а социальные ожидания «заикаливаются», у Сталина не было другой альтернативы, кроме как вести советский народ под ленинскими знаменами, но реально идти не коммунистическим, а социал-консервативным путем. Базовыми ценностями социал-консерватизма выступают: ВЕЛИЧИЕ ГОСУДАРСТВА И

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Свою миссию Сталин выполнил: под его руководством было построено великое государство и установлены, насколько позволяли ресурсы, нормы социальной справедливости. С окончанием сталинской эпохи следовало осознать, что желанного коммунизма (кроме как в формате пропаганды) никогда не было, нет и никогда не будет. Наследникам Сталина надлежало принять меры по демонтажу механизма саморазрушения. Другими словами, необходимо было провести декоммунизацию без деэтанализации СССР. Для этого надо было плавно, последовательно, эволюционно переформатировать идеологическую надстройку, вывести государство из-под партийного контроля, произвести корректировку мобилизационного мифа, официально провозгласить социал-консервативную идеологию доминантной мировоззренческой составляющей политической идеологии страны, что послужило бы профилактикой деэтанализации. Однако политические наследники Сталина либо не осознали, либо недооценили угрозы дальнейшего альянса коммунистической партии и советского государства. Вместо постепенной декоммунизации «сверху», повышения статуса правительства и парламента была предложена ошибочная альтернатива – усиление роли компартии. Вместо перехода к 2–3 партийной системе власти продолжали цепляться за устаревший блок коммунистов и беспартийных. Вместо постепенного движения от тоталитаризма к авторитаризму была предпринята попытка форсированной «демократизации» политической системы. Коммунистическая идеология, чем дальше, тем больше, шла по пути девальвации и тем самым тянула за собой в пропасть государство. Коммунизм (в лице партии и идеологии) нельзя было спасти, можно было только смягчить его закат средствами пропаганды. Государство как территориальную общность советских людей сохранить было можно и нужно. В статье делается вывод, что декоммунизация и деэтанализация СССР обязаны различным основаниям. Первое в конечном счете объективно обусловлено, второе – результат системных субъектных просчетов.

Ключевые слова: коммунистическая идеология, доктрина государственно-политического управления, социал-консерватизм, декоммунизация СССР, деэтанализация СССР.

За 25 лет, минувших с того времени, когда с политической карты мира исчезла, подобно легендарной Атлантиде, супердержава под названием СССР, высказано немало мнений, предположений, аргументов о том, почему это случилось. Одни считают, что СССР пал жертвой мирового заговора, другие полагают, что он не выдержал конкуренции с Западом и прежде всего с США. Третьи настаивают на преимущественно внутренних причинах (неэффективность экономики, национальные противоречия, тоталитарность власти и т. д.). Видимо, в каждом непредвзятом толковании есть своя правда. Даже самое тщательное исследование не может претендовать на безоговорочную истину. Лишь всей совокупностью интерпретаций можно к ней приблизиться. В этой связи нам представляется, что во

всем имеющемуся массиве аналитики о распаде СССР есть одно упущение. Речь идет о совмещении двух граней вместо их разграничения. Поскольку политическая система Советского Союза была однопартийной, то и распад самой государственности рассматривается как процесс естественный и параллельный крушению феномена коммунистической партии. Однако крах партийной идеологии не влечет за собой напрямую демонтаж государства. Отсюда вытекает авторское понимание распада СССР в контексте взаимосвязи двух факторов: коммунистической идеологии и доктрины государственно-политического управления страной.

В этом смысле вся история СССР – это жизнь страны, преисполненной тревогой, угроз и опасений. Такова историческая судьба. Она была предопределена октябрьским переворотом и насаждением идеологии утопического характера. Коммунизм не мог прийти в Россию навеки, навсегда и т. д. вовсе не потому, что Россия не была готова к коммунистической революции в силу недостаточного развития (т. е. не по Марксу), а потому, что коммунизм, как показал исторический эксперимент, является нежизнеспособной теорией. И не в силу того, что коммунистическая идея плоха, напротив – она была слишком хороша, чтобы стать действительностью, и могла существовать лишь как идея. Коммунизм исходит из самых высших и одновременно неосуществимых принципов, нормативов, идей. Он предполагает дать всем людям исключительные блага – равенство, братство, достаток, справедливость и т. д. Но в тоже время он и требует от всех без исключения людей колоссальной самоотдачи и жертвенности (совсем не так, как продекларировано марксизмом: при социализме «от каждого по труду», а при коммунизме «от каждого по способностям») ради общего дела [4, с. 18, 20]. Каждый должен принести на алтарь коммунистического благоденствия готовность тяжело трудиться, упорно бороться, терпеливо ждать, страстно верить и, если потребуется, отдать жизнь во имя светлого будущего. Таким образом, коммунистическое счастье – это результат предельной мобилизации всех человеческих сил и средств, ресурсов и возможностей. Но человек – существо, сделанное не из железа и стали, он состоит из плоти и крови. Он, увы, далеко не совершенен. Ему, наряду с силой, присущи и слабости. Наряду с достоинствами в нем присутствуют и пороки, рука об руку идут трудолюбие и праздность. Одним словом, коммунистическая идея требует от человека больше того, на что он способен, она пытается сделать его лучше, чем он есть по своей природе. Трагизм положения заключается в том, что, однажды начавшись, коммунистический эксперимент уже не может остановиться, обратной дороги нет, коммунистическая революция – это билет в один конец. Кто не с нами – тот против нас. Или еще хуже: «Если враг не сдастся, его уничтожают». Практика внедрения коммунистических начал в российском обществе показала категорическое несоответствие идее марксизма. Идея – велика, практика – ужасна. Социальный эксперимент в России позитивен тем, что он эмпирически доказал несостоятельность коммунизма как нереалистичного политически и порочного нравственно.

Из сказанного следует, что коммунистическая идея себя дискредитировала достаточно быстро, еще при жизни Ленина. Но свернуть с намеченного пути уже

было нереально. Практически отступление от коммунизма – это годы НЭПа. Но публично отречься от него было невозможно. Как объяснить всей стране и большевистской партии после гражданской войны и колоссальных жертв, с ней связанных, что никакого коммунизма нет и никогда не будет? Думается, Сталин был одним из первых, кто, в отличие от Троцкого и правых, понимал это. По крайней мере, ему хватило реализма отказаться от идеи мировой революции и провозгласить курс на построение социализма в отдельно взятой стране [5, с. 355].

Нам представляется, что скепсис относительно мировой коммунистической революции у реалистически мыслящего крыла большевистской партии был вторым (после гражданской войны) пробным камнем на прочность Страны Советов. Коммунизма не будет, но это не значит, что должна перестать жить страна. Царя тоже нет, поэтому идеологически мы идем туда, куда всем объявили. Но в действительности Сталину пришлось идти по пути, навязанному обстоятельствами, а не двигаться по заранее намеченному ленинскому плану. Это говорит о том, что Сталин был больше этикетист, чем коммунист. Сталин не хуже Ф. Раскольникова, приславшего генсеку открытое письмо, понимал, что в СССР построен не тот социализм, о котором писали К. Маркс и Ф. Энгельс и который позиционируют все средства пропаганды. Но Сталин, в отличие от Раскольникова, свободного в своих суждениях и обиженного Советской властью, не мог, будучи государственным и главой правящей партии, публично признать неудачу коммунистического проекта. Сталин не только ее не признал, но во имя становления и укрепления СССР превратил коммунистическую идеологию в своеобразную религию, а Ленина – в сверхпочитаемую икону.

Нам представляется, что угрозы существования Советскому государству после гражданской войны были далеко не меньшими, чем на рубеже 80–90-х, однако СССР не только состоялся, но окреп, победил в Священной войне, превратился в супердержаву и по определению не мог разрушиться в течение нескольких лет, если бы не ряд политических ошибок стратегического характера.

Почему наша страна выдержала испытания 20–40-х годов? Этому способствовали разумная стратегия и тактика ее политического руководства. Не будь НЭПа, есть большие сомнения в том, что государство сохранилось бы в тех пределах, в каких и сохранилось. Не будь индустриализации в 30-е годы, СССР ожидал неминуемый блицкриг и прекращение суверенного существования. В отсутствие жесткого авторитарного правления, концентрации всех людских, материальных и силовых ресурсов, духовно-патриотического подъема народа, обеспечиваемых железной властной волей, победить могущественного врага было невозможно.

Уже после Великой Победы нам удалось избежать атомной бомбардировки со стороны США и сохранить государство в целостности и сохранности. Несмотря на все сложности, тягости, лишения, промахи, просчеты и репрессии, как обоснованные, так и сомнительные, сталинская власть не допустила ни одной стратегической ошибки, которая сумела бы спровоцировать процесс деэтизации СССР.

Сталин, вероятно, свою цель видел не в построении коммунизма, как об этом писали в газетах и говорили по радио с его же на то согласия. Сталин создал величайшую империю в мире под названием СССР и позволил всем считать, что реализует заветы Ильича.

В стране абсолютно господствовала марксистско-ленинская идеология, правила большевистская партия, в конце правления Сталина переименованная в КПСС. Но в действительности в стране уживались две идеологии. Одна официально провозглашенная, другая – реальная, наполненная вполне определенным содержанием. Можно и по-другому. Одна (коммунизм) как теоретическая догма, вторая (без названия) как доктрина государственно-политического управления. Первая – ради слова, вторая – ради дела. Первая – для многочисленной массы, вторая – для узкого круга посвященных (избранных). Первая есть теория и партия Ленина – Сталина, вторая – чисто сталинская идеология и политический курс, имя которой СОЦИАЛ-КОНСЕРВАТИЗМ. Социал-консервативная идея есть детище Сталина, им порожденное, вскормленное и благословленное. Эта идея в действительности пришла в политическую жизнь с того момента, как был провозглашен курс на построение социализма в отдельно взятой стране и произошел отказ от мировой революции. Социал-консерватизм включает в себя две простые, но мощные идеи: величие государства и социальную справедливость; Сталин строил не коммунизм (бесклассовое и самоуправляющееся общество), он строил и построил имперское социальное государство, строил жестоко, на костях, не считаясь с потерями. Но построил... Сталин максимально выжал из людских ресурсов, других возможностей и обстоятельств все, что было возможно, и все равно для коммунизма этого было недостаточно.

Социальная империя, созданная Сталиным, при разумной преемственности власти могла существовать века. Это вовсе не значит, что методы создания империи должны были взять на вооружение будущие правители. Средства всегда должны соответствовать задачам. А главную задачу Сталин как мог, так и выполнил. В определенной степени историческим аналогом Сталина был его предшественник Петр I. Он инициировал реформы, к которым Россия не была готова, но в перспективе эти реформы были необходимы. Петр опережал свое время и, двумя веками раньше Сталина, делал ту же работу – железной рукой выводил Россию с обочины на магистраль истории. Прежде всего, Петр был государственным сродни Сталину и действовал похожими методами. Он создал Российскую империю и пусть не сразу, но получил достойного продолжателя своего дела в лице Екатерины Великой, сохранившей и приумножившей петровские достижения.

К сожалению, Сталину не нашлось достойной замены и то, что создавалось на века, продержалось около 40 лет.

Очевидно, что со смертью Сталина закончилась целая эпоха и началась новая. Если Сталин, как государственный и классик марксизма-ленинизма, рассматривался в неразрывной связи и от коммунизма ему было отречься – все равно, что Папе Римскому от католичества, то его преемники уже имели возможность развести понятия «коммунистическая партия» и «социалистическое государство», «коммунистическая идеология» и «советская власть» и должны были во имя

сохранения страны и государства встать на путь постепенной, едва заметной декоммунизации, но никак не деэтизации. При этом в политическом курсе надо было отказаться от поддержки мирового коммунистического движения и искать точки соприкосновения с ведущими государствами мира; в экономической линии был допустим небольшой крен вправо с разрешением мелкого и среднего предпринимательства. В идеологии нужно было целенаправленно избавляться от утративших актуальность марксистских догм и постепенно конституировать социал-консерватизм как национальную идею и доминантную идеологию [6, с. 20, 21].

Наследники Сталина – Хрущев, Брежнев, Горбачев – не поднялись до уровня Екатерины Великой и не стали его достойными продолжателями в части государственного строительства. Никто из них не обладал стратегическим видением, да и по части тактики, за исключением Брежнева, они были не сильны. Более того, Н. С. Хрущев был первым из руководителей, приложивших руку к деэтизации СССР. Сам не желая того, он причинил стране, и коммунистической идее в том числе, непоправимый вред, обвинив Сталина в культе личности и необоснованных репрессиях. Он не принял в расчет, что в авторитарных и тоталитарных режимах идеология и власть в своей основе имеют непререкаемый авторитет. Ниспровержение авторитета имеет чудовищные последствия. Рушится вера, земля уходит из-под ног, люди переживают шок, испытывают чувство напрасно прожитой жизни. По некоторым данным, после «разоблачительной» речи на XX съезде КПСС количество коммунистов в мире сократилось вдвое, СССР испортил отношения с Китаем, Албанией. Партийная элита оказалась в растерянности, что было первым толчком к ее перерождению.

И куда ни шло, если бы Хрущев выступил новоявленным Лютером коммунистической Реформации и, заклеив Сталина, объявил бы о признании коммунизма вредной утопией. Но нельзя было без пагубных последствий сохранить верность коммунистическому учению и одновременно отречься от одного из его классиков. Это все равно, как если бы Папа Римский вдруг отрекся от одного из Евангелий, но оставался верным оставшимся книгам Библии и при этом не вызвал бы энтропийных чувств у верующих.

Постсталинское руководство и не помышляло о декоммунизации, которая назрела и которую надо было начинать аккуратно, деликатно, едва заметно, а не так неуклюже, как поступил Хрущев. Наше мнение заключается в том, что десталинизация, начатая Хрущевым, одновременно положила начало и декоммунизации, и деэтизации СССР.

Н. С. Хрущев сделал еще одну оплошность, углубившую совершенную им ранее ошибку. В 1961 году он определил конкретный срок построения коммунизма – через 20 лет. Более крупную стратегическую ошибку трудно себе представить.

Определение конкретных сроков построения коммунизма означало десакрализацию идеала. Реализация величайшего в сознании людей социостремления автоматически ставилась в один ряд пусть с крупными, но все же вполне осязаемыми проектами – Днепрогэсом, Уралмашем, БАМом, покорением

Космоса. Достижение цели вело к утрате ореола святости. Представить себе коммунизм в виде обыденности – означало утратить весь иррациональный, чувственно-эмоциональный ресурс, на котором в продолжение 2-х поколений советских людей жила вера в светлое будущее.

Образно говоря, чуть ли не на второй день после принятия XXII съездом КПСС новой Программы у интеллектуальной части партии встал вопрос: «А что будет, если строительство коммунизма в обозначенные сроки не завершится, и данное лидером партии обещание не будет выполнено?» Вопрос относился к разряду риторических. Равнозначным представляется постановка вопроса: «Что произошло бы в христианском мире, если бы Папа Римский обозначил точную дату второго пришествия Иисуса Христа?» Банально, но факт, что обнародованная стратегическая информация либо способствует крупному успеху, либо ведет к полному краху.

Политически ущербным представляется также хрущевский призыв «догнать и перегнать Америку». Этот лозунг, на первый взгляд, имеет чисто экономический характер и не содержит «криминала». Но это только на первый взгляд. Если вникнуть в этот призывный лозунг поглубже, то окажется, что в нем больше идеологии, чем экономики. Что означает догнать и перегнать? Это означает, что в вопросе мирового переустройства мы – не первые, а догоняющие, что советский проект отнюдь не доминирующий, значит – менее привлекательный для мира в сравнении с западным. Именно утрата привлекательности советского проекта привела к постановке вопроса: «Зачем нужен СССР, если он не доказал миру превосходство своего проекта по его переустройству?»

Стратегические просчеты Хрущева положили начало демонтажу государства, поскольку КПСС фактически исполняла государственные функции и дискредитация партии означала дискредитацию государства. Вместо декоммунизации, т. е. постепенной эволюции коммунистической идеологии в социал-консерватизм и соответственно трансформации тоталитарного режима в авторитарный, а значит – перетекания власти от партии к государству, и Хрущев, а позже Брежнев продолжали цепляться за идеологию, исчерпавшую свой ресурс. Если Хрущев причинил обществу и государству прямой вред бездарными действиями, ответственность Брежнева заключена в недеянии и потере исторического времени, отведенного ему на модернизацию политической системы. Брежневское правление характеризуется стратегическим непониманием надвигающегося кризиса, грядущей декоммунизации «снизу». Брежнев не только не стал «Сталиным сегодня», но, более того, обратился «назад к Ленину» с вопросами, на которые у последнего не было ответов. В анналах ленинизма руководство страны нашло малоубедительную ссылку на «развитый социализм» и с ее помощью попыталось смягчить провальный программный тезис о наступлении коммунизма. В тактическом плане Брежнев, как руководитель, был на уровне и с помощью краткосрочных проектов во внутренней и внешней политике поддерживал государство в достаточно стабильном состоянии на протяжении 10–12 лет, но в последние годы (6–8 лет) страна жила при немощном лидере и понесла немалые потери экономического, социального, духовного порядка, вплотную подойдя к системному кризису.

К середине 80-х годов ситуация еще более усложнилась. Приход к власти М. С. Горбачева, казалось, давал Советскому Союзу шанс на модернизацию и оздоровление всех сфер жизни общества. Тем не менее, случилось прямо противоположное. Вторая по могуществу в мире держава на седьмом году правления Горбачева прекратила существование. Минуло уже четверть века с той поры, но миллионы людей не покидает мысль о том, являлся ли неизбежным крах Советской империи? Распад СССР – объективная закономерность или результат субъективного фактора?

Более или менее устоявшееся мнение на этот счет звучит примерно так: СССР был империей, а империи всегда распадаются. В политическом отношении это был насильственный режим, удерживавший в границах империи множество народов вопреки их воле и посредством чуждой им идеологии. Экономика страны держалась благодаря административно-командной системе, была неэффективной и находилась в состоянии стагнации. Власть в лице партийной и хозяйственной номенклатуры жила в оторванном от народа мире и слабо ориентировалась в том, как протекает жизнь вне ее круга. Если суммировать все факторы и параметры, то напрашивается вывод о том, что советская система, основанная на коммунистических постулатах, исчерпала все резервы своего существования и почил в бозе, как прекращают жизнь пожилые люди – от старости и дряхлости.

Но государственный механизм, в отличие от человеческого, не умирает без субъективного вмешательства. В отношении СССР, на наш взгляд, наблюдаются признаки злой политической воли, преступной бездеятельности тех структур, на которые была возложена ответственность за безопасность государства в сочетании с индифферентностью и массовой апатией. В итоге Советский Союз рухнул, что можно квалифицировать и как «политическое убийство», и как «политический суицид», и как «политическую эвтаназию».

Политическое убийство государства совершили три известных персонажа в Беловежской Пуще. Этого не случилось бы, если бы госаппарат, прежде всего, силовые структуры остались верны долгу и присяге и не впали, подобно Горбачеву, в состояние политического паралича и беспомощности.

И, наконец, печально, но факт, что в этой драме нашлось место и населению страны, с чьего молчаливого согласия рушились основы государства.

Нам вовсе не кажется, что развал советского государства был неизбежным. Из признания обреченности коммунистической идеи и, следовательно, коммунистической партии вовсе не следует крах страны и государства. Партия должна была уйти, государство должно было остаться. Еще при Сталине предпринимались некоторые действия по усилению роли Совмина в жизни государства и по ограничению всевластия ЦК ВКП(б) [1; 2, с. 223]. Сам Сталин с 1941 года позиционировал себя прежде всего как премьер, а во вторую очередь – как генсек. По определению Сталин не мог радикально реформировать им же созданную систему, хотя начало ее модернизации положил именно он.

Наследникам Сталина надлежало постепенно, эволюционно снять с экономической повестки дня идею коммунизма, сохранив вполне востребованную идею социализма с упором на социальную справедливость, и плавно сменить

тоталитарный режим на авторитарный. Для этого нужно было переместить основные государственные функции от ЦК КПСС к Совету Министров. На определенном этапе надо было отказаться от однопартийной системы и перейти к системе доминирования или полупартийной системе при ведущей роли образованной на базе КПСС социал-консервативной партии. О существовании такой возможности говорит появление время от времени вблизи политического олимпа государственных деятелей, для которых идея великого государства была выше мечты о коммунистическом будущем. Имеются в виду такие персонажи, как Л. П. Берия, Г. К. Жуков, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов. Нам не кажется невероятным предположение о том, что эти крупные фигуры (все из силовиков) ради спасения государства могли бы пойти на идеологическую реформу. В случае прихода к власти любого из них (у Андропова не хватило на это времени) мог произойти сдвиг от тоталитаризма в сторону авторитаризма, что гарантировало бы недопущение распада государства от антикоммунистического цунами, т. к. исчезли бы сами системообразующие факторы.

Однако описываемому сценарию не суждено было сбыться. Необратимость декоммунизации распространилась на все государство. В результате произошла деэтизация.

Из вышесказанного мы приходим к следующим выводам. Распад централизованного государства с сильной авторитарной традицией в основе своей имеет расцементирование монолита, на котором зиждется власть, с последующим разрушением всей государственной конструкции. Для Советского Союза цементирующей, скрепляющей силой всех элементов государства являлась коммунистическая партия, опиравшаяся на идеологию марксизма-ленинизма. До тех пор, пока марксизм-ленинизм по степени влияния на советский народ не уступал значению религии, авторитет КПСС оставался безграничным и непоколебимым. По мере естественной секуляризации марксизма-ленинизма снижался и авторитет партии. В тот момент, когда разочарование в ней достигло критической отметки, декоммунизация была поставлена на одну ступень с деэтизацией.

Декоммунизация СССР была неизбежной, в то время как деэтизация была совсем не обязательной. Под декоммунизацией страны подразумевается следующее. Как такового коммунизма в нашей стране, кроме как в виде теории и идеологии, не было и – в практическом смысле – быть не могло. Не могло в той же степени, в какой не встречается в чистом виде анархия. Анархизм есть, а анархии – нет, так как анархизм – это учение о возможности анархии (безгосударственного состояния общества), которого в природе не бывает, если не считать некоторых краткосрочных эпизодов из истории махновщины и т. п. явлений. Точно также и коммунизм как идеология был, но реального коммунизма, соответствующего его описанию, никогда не было и, судя по всему, не предвидится в будущем. Коммунизмом называли то, что коммунизмом на самом деле не являлось. И дело даже не в том, что власть пользовалась другими терминами для поддержания живучести коммунистической идеи: «социализм», позже «развитой социализм», подчеркивая отсутствие полного коммунизма. На практике же не было и неполного.

Вероятно, это стало очевидным для «посвященных» уже тогда, когда в Европе вместо обещанной мировой революции прочно утвердились фашистские и нацистские режимы. Но произнести вслух, мол, большевики ошиблись, Ленин неправильно понял Маркса, а гражданская война в России – так себе, сопутствующее явление, и пролитая кровь – простое историческое недоразумение, естественно, было невозможно. Двигаться можно было только вперед. А двигаться вперед означало двигаться к декоммунизации через принудительную коммунизацию. Точнее, движение предполагало создавать общество, внедряя в него то новое, что могло прижиться, и все старое, которое на поверку не слишком входило в конфликт с новым. В результате была создана Великая Империя, в содержательную часть которой было включено то, от чего отказывались в период революции и гражданской войны, начиная от восстановления воинских званий, погон, наград, символов и заканчивая реабилитацией великодержавных чувств. Но содержание государства было оформлено в соответствии с господствующей идеологией, поднятой до высот государственной религии. Если идеологию рассматривать в двух ипостасях: 1) как мировоззрение, пронизанное определенным интересом и 2) как концепцию государственно-политического управления [3, с. 187–189], то несложно обнаружить дуализм идеологии в СССР, начиная от Сталина и вплоть до Горбачева. В первом своем значении идеология была коммунистической, а во втором – социал-консервативной. До поры до времени этот симбиоз был оправданным и двойственный характер идеологии был не слишком заметен. Но после смерти Сталина началась новая эпоха, требовавшая преодоления дуализма, плавной декоммунизации и постепенной легитимации социал-консерватизма.

Однако историческая важность этой задачи либо игнорировалась, либо недооценивалась, либо откладывалась на потом. Возможно, что она до конца не была осознана. Если бы власти своевременно провели необходимые реформы, тогда бы СССР получил следующие преимущества: крепкую государственную основу, власть без вынужденного лицемерия, улучшение международной обстановки, дополнительные возможности для экономической модернизации и роста благосостояния, совпадение доминантной (но не единственной) идеологии с национальной идеей (величие государства и социальная справедливость). Таким образом, можно было избежать трагедии распада великой страны.

Если выводы, к которым мы пришли, верны, то это дает нам возможность извлечь следующие уроки.

Распад государства есть величайшая трагедия для нашего народа во всех отношениях и смыслах. Она включает в себя экономическую стагнацию, финансовый коллапс, социальное обнищание, криминогенную обстановку, национальное унижение, историческую амнезию, бесправие соотечественников в зарубежье, торжество политических конкурентов и противников. Развал Советского Союза никому не даровал благополучия и процветания. Даже те, кто, казалось бы, достиг желаемой цели и был удостоен принятия в ЕС (страны Балтии), в действительности больше потеряли, чем приобрели. Другие республики подверглись испытаниям гражданской войны и последующим потерям части

территорий (Украина, Грузия, Молдавия). Третьи мучительно ищут свое место под солнцем, но пока что без видимых успехов. Постсоветское пространство наполняется все большими противоречиями вплоть до вхождения в различные внешние блоки и пребывания в состоянии холодной войны между собой.

Россия особенно нуждается в науке на будущее. Национальный позор, пережитый в 90-е годы, не должен быть предан забвению. Великая страна, победитель фашизма, находилась на грани полной утраты государственного суверенитета и развала вновь образованного государства. Россию нельзя покорить, победить, завоевать. От внешнего врага у России имеется надежный иммунитет. Но, как показал опыт XX века, Россию можно отнести к государствам, склонным к политическому суициду и политической эвтаназии. В роли политических самоубийц у нас выступают либерально настроенные политики и интеллигенты. Из этого следует, что власть в России никогда не должна переставать быть властью. Верховная власть должна быть сильной, авторитарной и одновременно легитимной. Для этого власть в государстве должна опираться на мощную национальную идею, одновременно являющуюся доминантной идеологией.

Российская власть, чтобы соответствовать своему предназначению, не должна терять народную поддержку и не должна впадать в иллюзию, что русский народ безмерно патриотичен. Нельзя забывать, что в 1991 г. никто не вышел на улицы в знак протеста против ликвидации СССР. Нельзя перманентно дурачить народ и паразитировать на его патриотических чувствах. Власть и народ нельзя будет разделить лишь тогда, когда народные патриотические чувства перестанут быть отравленными циничной социальной несправедливостью. Действенная и честная социал-консервативная модель управления Россией – абсолютная гарантия нерушимости государства и надежный иммунитет против цветных революций.

Список литературы

1. Жуков Ю. Н. Иной Сталин / Ю. Н. Жуков. – М.: Издательский центр «Аква-Терм», 2010. – 512 с.
2. Жуков Ю. Н. Настольная книга сталиниста / Ю. Н. Жуков. – М.: Издательский центр «Эксмо», 2010. – 320 с.
3. Идеология: поиски и находки / науч. ред. И. И. Кальной. – М.: Междун. изд. центр «Этносоциум», 2015. – 420 с.
4. Маркс К. Критика готской программы / К. Маркс, Ф. Энгельс: собр. соч. в 50-т. – Изд. 2-ое. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 3. – С. 9–32.
5. Сталин И. В. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) / И. В. Сталин: собр. соч. в 13-и т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 12. – С. 235–373.
6. Чемшит А. А. Зачем и какая идеология нужна современной России / А. А. Чемшит // Известия Иркутского гос. ун-та, 2016. – Т. 17. – С. 16–21.

Chemshit A. A. The Decay of the Soviet Union: Decommunization and Deetatization // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 1. – P. 34–45.

The article examines the causes of the collapse of the Soviet Union. The author acknowledges point of view, according to which communism as the state ideology of the Soviet Union was doomed to a historically limited period of time. However, deetatization of the country, state collapse was not fatal

inevitability. Thus, the Central idea of the article is the breeding of two substances: the ideology of ideology and the state as a territorial community. The Soviet Union was a kind of reincarnation of the Russian Empire. However, in the Foundation of the Soviet Empire was originally founded, the mechanism of self-destruction. We are talking about the Communist party as an organizing force, the guide of society, a landmark of honor and conscience, which, in turn, is the materialization of Marxism-Leninism. The Communist party as the living embodiment of Communist ideology, in fact, stood over the Soviet government and was seen as a priority by the organization. The Communist ideology proclaimed the Supreme value and thereby has won the confidence of the Soviet people. But in reality, communism is not more than a mobilization myth. Communism (the theory) is too good to become reality, communism in the Bolshevik execution (practice) too dreadful, not to cause the idea that it is not feasible in the trailer (utopia). The Communist project claimed from the common man and society as a whole more than they are able according to his human nature and social organization. I think it became clear to the leadership of the country in the years of the revolution and «war communism», perhaps a little later. But to publicly abandon the idea of building communism was impossible. It was impossible to declare the error of the October revolution, it was impossible to renounce the heroism of the civil war. People would not understand, for what he had suffered such casualties and deprivation. You can move it forward. But, if the goal is utopian, and social expectations are overwhelming, Stalin had no other alternative but to conduct the Soviet people under Lenin's banner, but really not go Communist, and the social-conservative way. The basic values of social conservatism are: the GREATNESS OF THE STATE AND SOCIAL JUSTICE. Its mission Stalin carried out: under his leadership was built the great state and installed as resources permit, the norms of social justice. With the end of the Stalinist era must realize that desirable communism (except in the form of propaganda) has never been, and never will be. The heir of Stalin was supposed to take steps to dismantle the mechanism of self-destruction. In other words, it was necessary to conduct decommunization without deetatization of the USSR. For this it was necessary to gradually and consistently, the evolutionary reformat the ideological superstructure, to bring the state under party control, to adjust the mobilization of myth, to officially declare the social-conservative ideology of the dominant ideological component of the political ideology of the Soviet Union that would prevent deetatization of the USSR. However, the political heirs of Stalin either failed to realize or underestimated the threat of further Alliance of the Communist party and the Soviet state. Instead of a gradual decommunization «top», raising the status of the government and Parliament were offered incorrect alternative – the strengthening of the role of the Communist party. Instead of going to the 2-3 party system continued to cling to outdated bloc of Communists and non-party. Instead of a gradual movement from totalitarianism to authoritarianism was attempted forced «democratization» of the political system. Communist ideology, more and more followed the path of devaluation, and thus dragged into the abyss by the state. Communism (party and ideology) could not be saved, it was only possible to mitigate its decline by means of propaganda. The state as a territorial community of the Soviet people to keep was possible and necessary. The article concludes that decommunization and deetatization of the USSR are obliged to various reasons. First, in the end, is objectively justified, the second is mainly the result of the subjective mistakes.

Key words: the communist ideology, the doctrine of state-political governance, social-conservatism, decommunization of USSR, deetatization of USSR.

References

1. Zhukov U. N. Inoy Stalin / U. N. Zhukov. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Akva-Term», 2010. – 512 s.
2. Zhukov U. N. Nastol'naya kniga stalinista / U. N. Zhukov. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Eksmo», 2010. – 320 s.
3. Ideologiya: poiski i nakhodki / nauch. red. I. I. Kal'noy. – M.: Mezhdun. izd. tsentr «Etnosotsium», 2015. – 420 s.
4. Marks K. Kritika gotskoy programmy / K. Marks, F. Engel's: sobr.soch. v 50-t. – Izd. 2-oye. – M.: Gospolitizdat, 1961. – T. 3. – S. 9–32.
5. Stalin I. V. Politicheskiy otchet Tsentral'nogo komiteta XVI syezdu VKP (b) / I.V. Stalin: sobr. soch. v 13-i t. – M.: Gospolitizdat, 1955. – T. 12. – S. 235–373.

6. Chemshit A. A. Zchem i kakaya ideologiya nuzhna sovremennoy Rossii / A. A. Chemshit // Izvestiya Irkutskogo gos. un-t, 2016. – T. 17. – S. 16–21.